

Моск. комсомолец - 1992 - 6 февр

● ЗДРАСТЬЕ!

Сеанс гипноза дирижера Каца

На сцену заходит только с правой ноги. Наметил черту — и с правой. Иначе можно провалить концерт.

ИНТЕРВЬЮ — не исповедь. Долгая жизнь Каца в искусстве научила его многому, в том числе никому не открываться до конца. «Я чувствую, как с кем надо разговаривать. Кожей чувствую. Это ни в коем случае не подхалимаж, просто если я вижу, что человек какие-то вещи не понимает — я об этом с ним и не говорю...»

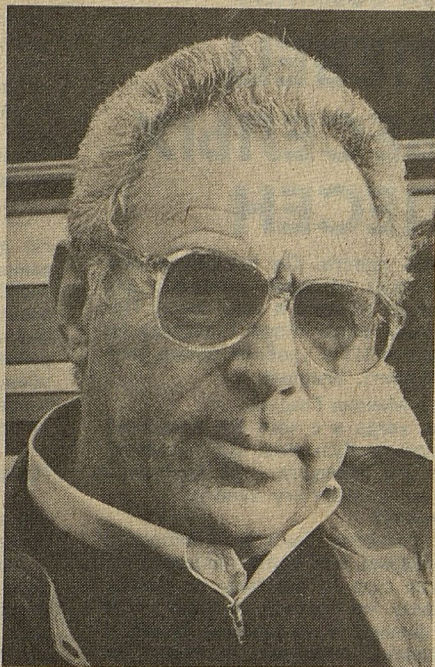
Арнольд Михайлович Кац. Главный дирижер Новосибирского оркестра. Мировое имя. Черт знает сколько концертов и записей. С кем только не играл. Со мной познакомился в Красноярске, на Российской музыкальной академии. Суров. Гимнастика — каждый день. Вес и остальное здоровье — на постоянном контроле.

— И не хочется «оторваться»? После удачной репетиции или премьеры — наесться до отвала, напиться, не считать, сколько сигарет выкурено...

— Иногда очень хочется. Но как подумаешь, что завтра я должен стоять перед оркестром в полной форме... Сказать тебе? Я был пьян всего два раза в жизни. Первый — в День Победы. Я воевал — и меня напоили. А второй — когда мы возвращались из Тбилиси от тещи с тестем и с нами ехали в одном вагоне грузины-этноделы, везли бочонки... И им так понравилась моя четырехлетняя дочка, что они просто не могли не напоить ее папу...

ОДНО время Новосибирский оркестр жил в помещении бывшей средней школы. Музыканты женились, рожали детей, сушили пеленки, а здание приходило в негодность и почти разваливалось на куски. Кац привел городское начальство, предварительно повелев детям — на горшки, музыкантам — играть, женам — стирать и варить. И побольше дыму. Начальство было побеждено, и весь тогдашний коллектив оркестра получил квартиры.

Дирижер — это и артист, и педагог одновременно. Кацу очень идет быть педагогом — строгий, все раскладывающий по полочкам. Стоит перед попиртами, как перед партами. Иногда вместе с музыкантом ищет — здесь надо смычком вверх или вниз? Морщится: черновая, грязная работа. «Геннадий Рождественский — вот счастливирик, говорит: «У меня-то все получается, а вот вы идите и выучите». И все. Чрезвычайно одаренный, феноменальный мастер, но педагогика для него — не главное. Ему нужен уже настроенный инструмент. Он не очень любит репетировать».

САМОЕ неприятное, пожалуй, — никогда не слышать от оркестра то, что хочется. Всегда чуть-чуть недотягивают.

— Дирижеру нужно уметь находить компромисс. Нет такого оркестра, который бы все играл, как надо. Даже у Бостонского и у Чикагского, Берлинского оркестров всегда можно найти огрехи...

Оркестр для дирижера — инструмент. Или живое существо со своей памятью, привычками, характером. Долгая работа с оркестром взаимно надоедает — так, что иногда очень хочется развода. Арнольд Кац с новосибирцами уже 36-й сезон. «Поражаюсь, как меня до сих пор терпят. Уже сменилось три поколения музыкантов в оркестре, а я все стою. Дирижер вообще более долговечная профессия, чем оркестрант. Работа музыканта в оркестре — это же добровольная каторга...».

— А если музыка и вам не нравится, и оркестр ее не понимает? Может, и не стоит тогда?

— Оркестр должен развиваться. Просто я приглашаю тогда другого дирижера, а сам не лезу.

Знаешь, общение дирижера с оркестром — это гипноз. Разумом этого не понять, словами не выразить. За гранью понимания. Спроси у музыкантов, они тебе скажут: «Мы ощущаем дирижера еще до того, как он взмахнет руками».

ПУСТЫЕ залы — наша застарелая боль. Геноцид государства по отношению к академической музыке не мог не сказаться на качестве симфонических оркестров. Оркестры становятся хуже — слушатели уходят. «Мы упускаем время. Запад после Второй мировой понастроил прекрасные залы, была потрачена масса денег на обеспечение оркестров, на инструменты. А у нас призрак нищеты бродит между пультами, и выхода я не вижу. Никакого».

Мария БОГАТЫРЕВА.